

АША ЛЕММИ

ПЯТЬДЕСЯТ

СЛОВ

ДОЖДЯ

INSPIRIA

Москва

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л44

Asha Lemmie

FIFTY WORDS FOR RAIN

Copyright © 2020 by Asha Lemmie

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Иллюстрация на переплете *Катерины Киланянц*

Лемми, Аша.

Л44 Пятьдесят слов дождя / Аша Лемми ; [перевод с английского К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160601-5

Не задавай вопросов. Не спорь. Не противься.
Дождь всегда заканчивается.

Киото, Япония, 1948. Маленькую Нори надежно прячут от посторонних глаз. Многие годы она живет в доме своенравной бабушки, которая видит в ней лишь незаконнорожденную наследницу.

Нори не знает любви. Она терпит, когда ее кожу обжигают отбеливающие ванны. У Нори нет выбора, ведь ей нужно соответствовать императорской семье Камидза. Но однажды на пороге дома появляется ее сводный брат Акира.

Талантливый и красивый Акира видит в Нори не позорное пятно, а испуганную девочку. Чтобы разлучить их, бабушка и дедушка готовы на все, даже продать Нори в дом гейш.

Девочка, которая должна молчать, научится говорить. Даже когда цена свободы – боль, свет внутри Нори не гаснет, а становится сильнее, освещая все вокруг.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160601-5

*Ханне, с любовью,
и всем изгоям.
Поднимем бокалы за день грядущий!*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	9
------------------	---

ЧАСТЬ I

.....

ГЛАВА ПЕРВАЯ. <i>Песнь воды</i>	17
ГЛАВА ВТОРАЯ. <i>Мальчик со скрипкой</i>	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. <i>Хикари (Свет)</i>	46
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. « <i>Аве Мария</i> »	63
ГЛАВА ПЯТАЯ. <i>Люттики</i>	85
ГЛАВА ШЕСТАЯ. <i>Амэ (Дождь)</i>	98

ЧАСТЬ II

.....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. <i>Изгнание</i>	121
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. <i>Песнь дерева</i>	142
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. <i>Тупик</i>	157
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. <i>Соната</i>	166
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. <i>Да не убоюсь я зла</i>	174
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. <i>Единственное, что бессмертно</i>	199

ЧАСТЬ III

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. <i>Реквием по предателю</i>	213
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. <i>Песнь ночи</i>	243
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. <i>Аврора</i>	287

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. <i>Кожа</i>	303
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. <i>Но дома нигде нет.</i>	335
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. <i>Хризантема</i>	349
БЛАГОДАРНОСТИ	411

ПРОЛОГ

Префектура Киото, Япония
Лето 1948 года

Первое осознанное воспоминание Нори — как она подъехала к тому дому. В течение многих лет она будет стремиться расширить границы разума, заглянуть в минувшее. Снова и снова лежать на спине в ночной тиши, пытаясь вспомнить. Иногда в голове мелькала крошечная квартирка с ярко-желтыми стенами, однако образ исчезал столь же быстро, как и появлялся, не оставляя никакого удовлетворения. И поэтому, спроси ее кто, Нори ответила бы, что ее жизнь началась в день, когда она увидела величавое поместье, безмятежно покоившееся меж двух зеленых холмов. Потрясающе красивое место — нельзя этого отрицать, — и все же при виде него Нори невольно вздрогнула. Мать редко брала ее с собой, и что-то внутри подсказывало: там ее ждет то, что ей не понравится.

Потускневший синий автомобиль остановился у обочины напротив поместья эпохи Мэйдзи¹, обнесенного высокими белыми стенами. Внешние ворота стояли открыты-

---

¹ Период в истории Японии с 23 октября 1868 года по 30 июля 1912 года (*Здесь и далее прим. перев.*).

ми, позволяя хорошо рассмотреть тщательно обустроенный двор. А вот внутренние, ведущие к самому дому, были наглухо заперты. В верхней части главных ворот сияли выгравированные золотыми иероглифами всем на обозрение слова. Значение их Нори не понимала — она умела читать и писать только свое имя: *Но-ри-ко*. В этот момент ей захотелось уметь прочесть всякое когда-либо написанное слово, на любом языке. Нори повернулась к матери.

— *Окасан*¹, а что здесь написано?

Сидящая рядом женщина подавила вздох раздражения. Очевидно, в свое время она была потрясающе красива. И она по-прежнему оставалась великолепно, но на молодом лице уже начинало отражаться бремя жизни. Темные, густые волосы, заплетенные в косу, постоянно пытались растрепаться. Мягкие серые глаза были устремлены вниз.

— *Камидза*, — наконец ответила женщина, отводя взгляд. — Здесь написано «*Камидза*».

— Это же наша фамилия, да? — чирикнула Нори, ментально загоревшись любопытством.

Мать приглушенно усмехнулась, отчего волосы на загривке Нори встали дыбом. Водитель, мужчина, которого она ни разу не видела до сегодняшнего утра, испуганно глянул в зеркало заднего вида.

— Да, — тихо ответила мать, и глаза ее вспыхнули странным выражением, для которого в ограниченном словарном запасе Нори не было названия. — Это наша фамилия. Здесь живут мои мать и отец, дитя. Твои бабушка и дедушка.

Сердце Нори застучало быстрее. Мама никогда раньше не упоминала о родственниках, о семье. Напротив, они вдвоем так долго плыли по течению в одиночестве, что Нори не чувствовала связи с каким-либо определенным местом.

— Ты жила здесь, *окасан*?

---

¹ Уважительное обращение к матери в японском языке.

— Когда-то, — сухо ответила мать. — До твоего рождения. Давным-давно.

Нори сморщила личико, нахмурившись.

— А почему ты уехала?

— Достаточно, Норико. Возьми свои вещи. Пойдем.

Нори повиновалась, закусив губу, чтобы удержаться от расспросов. Мать этого не любила. Всякий раз, как Нори что-то спрашивала, она натывалась на неодобрительный взгляд. Лучше молчать. В тех редких случаях, когда Нори удавалось угодить матери, она получала сухую полуулыбку. А иногда, если Нори вела себя особенно хорошо, мать вознаграждала ее конфетами или новой ленточкой для волос. За восемь лет жизни Норико собрала двенадцать ленточек.

«Женщине полезно учиться молчанию», — всегда говорила мама.

Нори ступила на тротуар и взяла вещи: маленький коричневый чемоданчик с обтрепанными лямками и фиолетовым шелковым платочком, повязанным вокруг ручки, и голубую сумку с серебряной застежкой, подарок на прошлый день рождения.

Впервые с тех пор, как ее подняли на рассвете этим утром, Нори заметила, что в руках у матери пусто. Женщина стояла так, словно ее бледно-розовые атласные туфельки приросли к неестественно белому тротуару. Ясные глаза были устремлены в точку, которую Нори не видела.

Она обратила внимание на одежду матери. Голубое платье до колен с короткими рукавами. Телесные чулки. На шее висел маленький серебряный крестик с крошечным бриллиантом в центре. Мать так крепко сцепила руки перед грудью, что под нежной кожей проступили голубые венки.

Нори нерешительно протянула руку.

— Окасан...

Мать быстро заморгала и разжала руки, безвольно повисшие вдоль тела. Глаза ее, однако, так и не оставили ту точку.

— Норико, — промолвила она с такой необычайной нежностью в голосе, что Нори с трудом поверила ушам. — Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала.

Нори уставилась на мать снизу вверх, изо всех сил стараясь выглядеть милой и послушной. Нельзя испортить момент неуклюжими речами.

— Да, окасан?

— Пообещай, что будешь слушаться.

Просьба застала ее врасплох. Нори ведь еще ни разу в жизни не ослушалась. Зачем о таком просить?

Ее замешательство наверняка отразилось на лице, потому что мать, повернувшись, опустила на колени, и их глаза оказались почти на одном уровне.

— Норико, — произнесла мать с тревогой, какой Нори никогда не слышала. — Пообещай. Пообещай мне, что станешь во всем повиноваться. Не задавай вопросов. Не спорь. Не противься. Не думай, если эти мысли приведут тебя туда, куда не следует. Только улыбайся и делай что велено. Важнее послушания лишь твоя жизнь. Лишь воздух, которым ты дышишь. Обещай.

На языке, ожигая его, вертелись тысячи вопросов. Нори их сглотнула.

— Да, матушка. *Якусоку симас*. Я обещаю.

Мать прерывисто вздохнула.

— Теперь слушай. Ты войдешь в ворота, твои бабушка и дедушка спросят, как тебя зовут. Что ты им скажешь?

— Норико, матушка. Норико Камидза.

— Да. Они спросят, сколько тебе лет. Что ты им скажешь?

— Мне восемь, матушка.

— Тебя спросят, куда ушла я. И ты ответишь, что я тебе не говорила. Что ты этого не знаешь. Понятно?

Во рту пересохло. Сердце затрепетало в груди, словно маленькая птичка.

— Окасан, а куда ты? Разве ты не пойдешь со мной?

Мать встала и, сунув руку в карман, вытащила толстый желтый конверт.

— Возьми, — настойчиво сказала мать, вкладывая конверт в потную ладошку дочери. — Отдай им, когда тебя будут обо всем расспрашивать.

— Окасан, куда ты? — охваченная паникой, Нори повысила голос.

Мать отвела взгляд.

— Цыц, Нори. Не плачь. Прекрати немедленно!

Слезы, уже было подступившие, с пугающей скоростью исчезли. Словно даже они обязаны были повиноваться.

— Норико, — продолжила мать, смягчив тон до шепота, — ты хорошая девочка. Главное, делай, что тебе веле-но. И не плачь. У тебя нет причин плакать.

— Да, окасан.

Мать поколебалась, несколько долгих мгновений подыскивая слова. И все же удовлетворилась тем, что сдержан-но похлопала дочь по макушке.

— Я буду смотреть, как ты идешь. Ступай.

Взявшись за пожитки, Норико медленно двинулась к воротам, то и дело оглядываясь и проверяя, следит ли мать. Та следила.

Наконец Нори остановилась, не зная, как поступить дальше. Ворота были открыты, однако она словно знала, что входить не следует, и повернулась к матери, которая уже успела вернуться к машине.

— Окасан! — взвизгнула Нори, в один миг утратив быв-шее спокойствие.

Ей хотелось броситься обратно, но что-то удержало де-вочку, приковав к месту, — что-то беспощадное, безжа-lostное, не позволявшее ни шелохнуться, ни вздохнуть, ни крикнуть. Мать бросила на нее последний, странно ясный взгляд, а затем села в машину и захлопнула дверцу. Автомо-биль пронесся по улице, завернул за угол и скрылся из виду.

Нори потом долго стояла как вкопанная. Когда она на-конец возобновила свое медленное шествие по дорожке, пересекающей двор, солнце уже было высоко. Все еще оше-

ломленная, девочка подняла крошечный кулачок и легонько постучала в ворота, которые скрывали дом, оставляя видимыми лишь верхние этажи и нависающую крышу. Никто не ответил. Нори толкнула ворота, отчасти надеясь, что створка не поддастся. И та не поддалась, слишком тяжелая для малышки, и попробовать второй раз не имело смысла.

Норико села. И принялась ждать. Чего именно — сама не знала.

Несколько мгновений спустя ворота открылись, и вышли двое крупных мужчин в костюмах, с презрением глядя на Норико сверху вниз.

— Уходи, девочка, — сказал первый. — Здесь не нужны попрошайки.

— Я не попрошайка, — возразила Нори, вставая на ноги. — Я — Норико.

Мужчины безучастно на нее уставились. Нори протянула конверт, который ей дала мать.

— Камидза Норико дес.

Мужчины переглянулись и молча исчезли за воротами. Нори опять осталась ждать.

Еще один долгий миг — и первый мужчина вернулся.

— Пойдем, — поманил он пальцем.

Он подхватил ее вещи и зашагал вперед, и Нори пришлось броситься за ним следом. Прекрасный огромный дом походил на дворец, однако внимание девочки быстро сосредоточилось на стоящей перед дверью фигуре.

Пожилая женщина с глазами как у ее матери и серебряными прядями в аккуратно уложенных волосах уставилась на Норико с полнейшим недоверием.

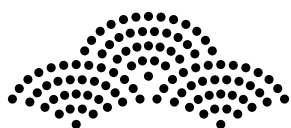
Поскольку иного ей не оставалось, Нори сделала, как было велено.

— *Комбанва*¹, *обаасама*². Меня зовут Нори.

---

¹ Добрый вечер (яп.).

² Крайне уважительное обращение к бабушке в японском языке.

ЧАСТЬ I